

рис скверно окружён», ожидала, когда «его звезда... снова ярко заблестит на горизонте». Действия противников министра внутренних дел (Каткова, К.П. Победоносцева, Н.М. Баранова) ею сурово осуждались. Первое жалование, назначение мужа членом от МВД при Донецко-Криворожской железной дороге, помощь графа при устройстве её сына в Пажеский корпус, разумеется, лишь укрепляли симпатию²⁴. Поэтому внезапная отставка главы МВД вызвала у неё искреннее огорчение. «Мне жаль нашего графа, — писала Александра Викторовна 2 мая, — какой он симпатичный человек. Я его последнее время очень полюбила». Победоносцев и Катков вызывали у неё неприятие: «Не друзья они России, ведут её прямо к гибели». Но Евгений Васильевич, похоже, не унывал. Провожая 12 мая гр. Лорис-Меликова за границу, он говорил: «Возвращайтесь скорее, дома много дела, Ваше место здесь, дом дал большую трещину, надо будет работать, чтобы не рухнуло здание»²⁵.

²⁴ Там же, л. 31—60.

²⁵ Там же, л. 60—66.

«Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в.

Александр Котов

**«Unreliable friend»: A.S. Suvorin and the Bogdanovich salon
at the end of the 19th century**

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008278-6

Салон Евгения Васильевича Богдановича и его супруги Александры Викторовны не случайно привлекает внимание историков¹. Это было заметное явление в петербургской общественной жизни конца XIX — начала XX в. Генеральские обеды регулярно посещали военные, чиновники, дельцы, а также редакторы и публицисты консервативных и либеральных газет — В.А. Бильбасов, В.В. Комаров, кн. В.П. Мещерский, С.С. Татищев, П.П. Цитович и даже изредка появлявшиеся в Петербурге М.Н. Катков, Н.А. Любимов, И.Ф. Цион². Видное место среди них

© 2020 г. А.Э. Котов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188; *Леонов М.М.* А.В. Богданович и её салон // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 15(70). С. 129—136; *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX вв. Самара, 2009. С. 8—9, 115, 146.

² Об их отношениях с семейством Богдановичей см.: *Котов А.Э.* Консервативные публицисты на страницах дневника А.В. Богданович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 24—30.

занимал и А.С. Суворин, постепенно ставший в 1880-е гг. наиболее крупной и влиятельной фигурой в столичной печати. Но, как ни странно, его многолетние связи с Богдановичами, отразившиеся как в переписке³, так и в хорошо известном, но до сих пор лишь частично опубликованном дневнике Александры Викторовны⁴, практически не освещались в историографии⁵. Особенно любопытно проследить их динамику и характер с конца 1870-х до начала 1890-х гг., когда суворинское «Новое время» превращалось в ведущее политическое издание России.

В конце 1870-х гг. Е.В. Богданович неоднократно выступал посредником между редактором «Нового времени» и министром внутренних дел Л.С. Маковым. Так, 5 марта 1879 г., сообщая про «министерский обед, имевший исключительный характер», генерал добавлял: «Все 75 человек выразили желание, чтобы обед был описан. Но Л[ев] С[аввич] желал бы предварительно прочесть всё в корректуре». Для этого Суворину следовало «приказать тотчас набрать» составленное Богдановичем описание и прислать автору два оттиска (один из них необходимо было «до полуночи» отдать Макову)⁶. В другой раз Богданович уведомлял Суворина о том, что «телеграмма Молчанова (корреспондент «Нового времени». — А.К.) и Ваше *подлинное* письмо ко мне находятся в руках Льва Саввича, которым приняты соответственные меры»⁷. 27 декабря Евгений Васильевич дал знать, что «слух о замене Макова Шуваловым лишён всякого основания»⁸, а в начале 1880 г. обобщил свои «последние сведения»: «Газетным старостам предполагается указать, что самые щекотливые вопросы минуты: а) ожидаемые к 19 февраля милости и б) весьма вероятная война... А потому бойтесь предсказывать: ожидаемая амнистия, милости к некоторой окраине, пенсионные милости, развитие самоуправления и проч. Правительству, собственною инициативою готовящему сюрпризы, не может быть приятно, когда весть о сюрпризе оглашается заранее — это понятно»⁹. Видимо, уже вечером 5 февраля 1880 г. Богданович, ссылаясь на «положительные сведения», полученные «из дворца, от начальства», писал о взрыве «лопнувшей газовой трубы», числе убитых и раненых, поведении императора¹⁰. Известия Богдановича не были точны (мысли о покушении у него, похоже, даже не возникло), но отличались детальностью и создавали ощущение доступа к самой сокровенной и надёжной информации, что для газетчиков представляло едва ли не большую ценность.

³ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, 416; оп. 2, д. 1152.

⁴ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234—249. См. также: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. Впрочем, большая часть упоминаний о Суворине не вошла в опубликованные фрагменты её дневника.

⁵ В какой-то мере этот сюжет затронут лишь в статье: *Леонов М.М.* А.В. Богданович и её салон. О Суворине см., в частности: *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; *Солоусов А.С.* Политические взгляды А.С. Суворина конца XIX — начале XX вв. (по материалам дневниковых записей и «Маленьких писем») // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 101—107; *Санькова С.М.* Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меншиков в зеркале историографии. Орёл, 2011.

⁶ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 29.

⁷ Там же, л. 31. Здесь и далее подчёркнутые в оригинале слова выделены курсивом.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же, л. 13.

¹⁰ Там же, л. 39.

Супруга генерала с сочувствием читала суворинские фельетоны, с их выпадами против евреев, нигилистов и неумело обличавших их официозных публицистов (и, в частности, «недюжинного бойца» Цитовича¹¹). В этих же текстах Суворин утверждал, что «благоразумная и широкая свобода слова никогда не порождала такой сумятицы в головах, как печать подцензурная; никогда самая свободная вещь не приобретёт себе столько читателей, как вещь запрещённая, хотя бы сия последняя была во сто раз ниже по своему достоинству, чем первая». Именно «ради этого можно желать, чтобы печать была свободнее и свободнее, чтобы мысль высказывалась ясно, не намёками, не полусловами, чтобы исчезла привычка читать между строк и писать так, чтобы понимали вас между строк. От этого выиграет и общество, и правительство, все мы выиграем в ясности, в определённости, в твёрдой постановке вопросов»¹². Подобная позиция была характерна тогда для либеральной печати. Но, по мнению Александры Викторовны, Суворин выгодно отличался от других её представителей. Так, по её мнению, он был «положительно гораздо прямее и честнее Бильбасова» (редактировавшего в конце 1870-х гг. самую авторитетную газету столичных либералов «Голос», с которой также сотрудничал Богданович), поскольку «Суворин не сочиняет, а Бильбасов часто украшает»¹³.

Не удивительно, что в 1880—1881 гг. и Суворин, и Богдановичи во многом сочувствовали политике гр. М.Т. Лорис-Меликова. 2 мая 1880 г. Суворин, теснейшим образом связанный с окружением главного начальника Верховной распорядительной комиссии, «много говорил, предлагая свои услуги, говоря: пускай земства ему поручат написать адрес к царю, и дали бы волю написать, чего нужно просить в эту минуту для России, он бы нашёл, что написать». По словам генеральши, «вот вкратце его мысль, чтобы был ответственный первый министр, чтобы он за всех отвечал и государю, и России, и тогда дело пойдёт хорошо»¹⁴. В августе «Новое время» восхваляло упразднение III отделения Собственной е.и.в. канцелярии как «громадную государственную реформу, все последствия которой даже трудно оценить в настоящее время»¹⁵. А.В. Богданович характеризовала эти статьи в дневнике как «отлично» и «замечательно» написанные¹⁶.

Впрочем, уже в январе 1881 г. Суворин жаловался, «что всё идёт скверно», и резко критиковал неэффективные действия по борьбе с последствиями неурожая 1880 г. 27 января Александра Викторовна записала: «Обедал Суворин — никогда его не видела [в] таком возбуждённом состоянии, — он спорил о голоде с Е[вгением] В[асильевичем], доказывал, что страшный голод, Е.В. ему доказывал, что есть нужда, а что голода нет, что привело к сильному спору, Суворин, чтобы поддержать свои слова, страшно ударял кулаком по столу — в нём живёт ещё прежний Суворин, он ещё не забыл свои прежние симпатии, и с ним правительство должно себя вести очень осторожно, не слишком его распускать, а также и не дразнить — он может быть опасен»¹⁷.

¹¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234, л. 5; д. 235, л. 15; *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 26. См., в частности, критический отзыв о брошюре Цитовича «Что делали в романе “Что делать?”»: *Новое время*. 1879. № 1089. 11 марта.

¹² *Новое время*. 1879. № 1089. 11 марта.

¹³ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234, л. 5; д. 235, л. 8 об.

¹⁴ Там же, д. 235, л. 42.

¹⁵ *Новое время*. 1880. № 1596. 8 августа; № 1605. 17 августа.

¹⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 76, 79 об.

¹⁷ Там же, д. 237, л. 14.

Тем не менее генерал продолжал делиться информацией (хотя теперь, благодаря братьям А.А. и К.А. Скальковским, Суворин располагал более надёжным каналом её поступления). «Можете печатать *сегодня*, — уведомлял он 1 мая 1880 г., — что гр. Коцебу оставляет Варшаву и что говорят о назначении туда Тотлебена, которого завтра ожидают в Петербурге. Петерб[ургский] градоначальник подал просьбу об увольнении его от должности»¹⁸. 17 марта 1881 г. Богданович спешил известить: «Завтра в “Правит[ельственном] вестнике” будет оповещено, что Министерство почт и телеграфов упраздняется. Департаменты телеграфный и почтовый входят в состав Мин[истерст]ва внутр[енних] дел. Маков назначен членом Госуд[арственного] совета»¹⁹. 12 декабря 1885 г. рассказывал «о ссоре в.к. Михаила Николаевича с кн. Дондук[овым]-Корсаковым и о кипучей работе по делу портфеля мин[истра] финансов»²⁰.

Не прекращался и приток статей Богдановича в «Новое время». 30 января 1881 г. он направил в редакцию «большую пожарную статью», подводившую итоги «20 лет исследования пожарного вопроса» и приуроченную к заседанию I петербургского сельскохозяйственного съезда²¹. Но больше всего его интересовало, конечно, строительство Сибирской железной дороги. Ещё в августе 1880 г. Богданович организовал небольшую кампанию в поддержку этого замысла в «Московских ведомостях», «Голосе» и «Новом времени»²². 17 декабря 1884 г., накануне очередного обсуждения её проекта в Комитете министров, в «Новом времени» появилась обширная статья Богдановича «Сибирская дорога — злоба дня»²³. В ней генерал, пытавшийся «вразумить министров», отстаивал «южное направление» пути как соответствующее «совокупности всех экономических интересов государства, а не одному какому-нибудь специальному интересу — горнозаводскому, земледельческому или иному»²⁴. При этом автор заявлял о своём бескорыстии в данном деле. Однако у Суворина, похоже, имелись сомнения, и следующую статью (перед новым заседанием) он печатать не стал. «Нередко Вы напоминали о концессии или о каких-то материальных выгодах, — отвечал ему обиженный Евгений Васильевич 3 января 1885 г., — между тем, после того как государь открыто отверг всякую иную постройку железных дорог кроме казённой, о концессиях или иных выгодах нет и речи. Для меня это вопрос нравственный, вопрос о том, над серьёзным ли делом или над пустяками я работал 18 лет»²⁵. В письмах середины 1880-х гг. Богданович постоянно ссылался на поддержку Каткова «по крайней мере в 50-ти статьях» за 18 лет и мнения, высказывавшиеся о его железнодорожных трудах самим Сувориным²⁶.

Но Богдановичи прибегали не только к авторитетам, пафосу и рациональным доводам. Со стороны Александры Викторовны в ход шли и повышенное внимание к капризному гостю, и лёгкое кокетство²⁷. Учитывались его самолюбие,

¹⁸ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 24.

¹⁹ Там же, л. 25.

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 237, л. 16; Новое время. 1881. № 1770. 31 января.

²² РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 80—81.

²³ Новое время. 1884. № 3164. 17 декабря.

²⁴ Там же; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 49.

²⁵ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 45—46.

²⁶ Там же, л. 11, 44, 46, 49.

²⁷ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 237, л. 5—6 об.

любопытство и даже аппетиты. «Интересный человек ожидает нас завтра обедать в 5 часов, — писал Суворину Евгений Васильевич. — Сегодняшний эпизод с ним в столовой с царём довольно занимателен. Обед семейный — он, жена, Вы, я и живая стерлядь в 1½ аршина»²⁸. Посылая для публикации на «видном месте» в «Новом времени» выдержки из статьи во французском журнале о «Кафедре Исаакиевского собора» (будучи старостой, Богданович отвечал за выпуск этих листов), генерал напоминал о своём намерении преподнести Алексею Сергеевичу «несколько бутылочек любимого винца»²⁹.

Редактора и его семью готовы были «подкрепить» во всех отношениях. «В Англии, — уверял генерал, — тоже интересуются проектом Сибирской дороги, именно через Нижний, и не далее как вчера секретарь нашего посольства в Лондоне извещает меня об этом и в знак внимания прислал нам два огромных куска английского сыра — Stilton. Один из них моя хозяйка подносит Анне Ивановне (жене А.С. Суворина. — А.К.) за её сочувствие к *южному направлению*»³⁰. Часто хозяйки общались напрямую. Александра Викторовна по праздникам посылала «бутылочки» мадеры, «редкое вино» из Москвы, делилась «превосходной индейкой и уткой» из «нашего тульчинского имения» и т.п.³¹ В 1886 г. генерал настойчиво зазывал на свои обеды: «Мы продолжаем праздновать десятилетие “Нового времени” (оно отсчитывалось не от основания газеты, а от её покупки Сувориним. — А.К.), и потому жена и сестра усердствуют о заготовлении для Вас и других наших гостей обильного и вкусного угощения»³².

Однако вскоре разразилась катастрофа. Весной 1887 г. Богданович был уволен со службы по личному указанию Александра III, недовольного политической активностью генерала в Париже зимой 1886/87 гг. Богдановича встретили во Франции как «эmissара Каткова», представителя тех общественных кругов России, которые, вопреки официальной дипломатии, выступали за союз царя и республики. Ему приписывали воинственные брошюры, развивавшие авантюристические идеи экспедиции в Герат и т.п.³³ Узнав о реакции царя, многие отвернулись от отставного генерала. Даже Катков счёл необходимым от него дистанцироваться (хотя и считал его «совершенно не способным к чему-либо не согласному с долгом верноподданного»). «Ещё два слова о Богдановиче, — писал он незадолго до смерти К.П. Победоносцеву. — Я протестую против толков о какой-то моей солидарности и интимности с ним, но не потому чтобы считал его в политическом отношении неблагонамеренным. Но я и не имею с ним ничего общего ни в умственном, ни в нравственном складе. Мы люди совершенно разных миров. И сотрудником моим он никогда не был, и только из снисхождения к нему печатались его телеграммы о нём самом...

²⁸ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 26. 17 марта 1881 г., сообщив об упразднении Министерства почт и телеграфов, Богданович отметил: «Быть может, завтра получите ещё такую же крупную весточку, следовательно завтра мы ожидаем Вас обедать в 6 часов» (Там же, л. 25).

²⁹ Там же, л. 69.

³⁰ Там же, д. 416, л. 49.

³¹ Там же, оп. 2, д. 1152, л. 1—3.

³² Там же, оп. 1, д. 414, л. 28.

³³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. М.; Пг., 1923. С. 712—714; Де-Скroховский К.О. Наши железнодорожные и таможенные болячки, или Голос вопиющего в пустыне. Кронштадт, 1887. С. 42; Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952. С. 427—428.

Богданович повредил себе своими о себе рекламами. Ему придали серьёзное политическое значение, которого он ни в каком случае не имел и иметь не может»³⁴.

Недоброжелатели генерала тут же активизировались. Протеже враждебного ему государственного контролёра Т.И. Филиппова К.О. Де-Скроховский не только открыто утверждал, что «планы Огрызки и других анархистов вводятся в жизнь казённой эксплуатацией железных дорог», но и обрушивался непосредственно на Богдановича: «Личность эта способна примениться ко всякому положению и принять на себя, за соответственное вознаграждение, всякую обязанность... Это весьма узкий и даже бездарный, но смелый и бесшабашный аферист, умевший до сих пор довольно ловко пользоваться ретроградными течениями нашей жизни для личных своих интересов». При этом ему ставилось в вину не только «благоговение к Каткову», но и умение «убедить нашу печать в необходимости поддерживать казённое железнодорожное хозяйство»³⁵.

Всё это не могло не сказаться и на отношениях Богдановичей с редактором «Нового времени». Добиваясь возвращения на службу, Евгений Васильевич всячески пытался публично оправдаться. В марте 1888 г. он лично привёз Суворину письмо с рассказом о своём свидании с генералом Ж.Э.Ж.М. Буланже. Однако Алексей Сергеевич после некоторых колебаний отказался его печатать. Хотя уже была подготовлена корректура. Он резонно указывал на то, что подобная публикация — «ответ скорее государю, чем публике», и может только помешать генералу вернуться в МВД. Однако Богдановичи подозревали, что он «боится также и за себя». Предательством казалось им и то, что тот, хотя и не прекратил общения, «но всё-таки бывал у нас реже»³⁶.

4 апреля 1888 г. гр. Д.А. Толстой убедил императора простить Богдановича и назначить его членом Совета министра внутренних дел с производством в тайные советники. Постепенно его общественное положение восстановилось. Вновь наладились и контакты с Сувориним. Но прежней доверительности уже не было. Александра Викторовна болезненно воспринимала заявления «Нового времени» о том, что «о политической роли Богдановича никто и никогда не слышал в России»³⁷. До конца года она вспоминала эту «глупую статью»³⁸. 4 ноября 1888 г. генеральша констатировала: «По-моему, Суворин ненадёжный друг. Слава Богу, Евг[ений] Вас[ильевич] это давно понял»³⁹. А четыре дня спустя супруги пришли к общему мнению: «Этого человека трудно узнать, чем больше с ним знаком, тем меньше его знаешь». Им даже казалось, что «не мешало бы Льву Толстому описать этот тип»⁴⁰. Правда, и раньше Алексей Сергеевич вызывал у них настороженность. «С Сувориним опасно говорить, — отмечала Александра Викторовна в марте 1880 г., — сейчас напишет в фельетоне»⁴¹. Но это было характерно для всех посещавших их салон журналистов. «То-то газеты — с ними надо знать, что можно говорить и когда помолчать —

³⁴ К.П. Победоносцев и его корреспонденты... С. 712—713.

³⁵ Де-Скроховский К.О. Указ. соч. С. 59, 71—80.

³⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 238, л. 81; д. 239, л. 12.

³⁷ Там же, д. 239, л. 38; Новое время. 1888. № 4368. 28 апреля.

³⁸ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 241, л. 43.

³⁹ Там же, л. 13—13 об.

⁴⁰ Там же, л. 17 об.

⁴¹ Там же, д. 235, л. 26 об.

это опасный народ, — рассуждала генеральша в дневнике в январе 1881 г. — Е[вгений] В[асильевич] к ним привык и я тоже»⁴².

Со своей стороны, Суворин в конце 1880-х гг. всячески демонстрировал внимание: цитировал Е.В. Богдановича в газете, излагал в ней его речи, усердно посещал обеды, делился размышлениями о переживаемой эпохе (которую считал «тяжёлой, но интересной»), впечатлениями от заграничного путешествия и чтения художественной литературы⁴³. Анна Ивановна, как могла, ему помогала. Часто посещая Богдановичей, она много рассказывала о муже, про его «ужасный характер», душевные переживания и проч.⁴⁴ Иногда она даже становилась посредницей при возвращении рукописей из редакции⁴⁵. Всё это вызывало нужную реакцию и своеобразное сочувствие (с элементами зависти). «Обедать приехала неожиданно Суворина, — записала Александра Викторовна в дневнике 10 мая 1889 г. — Говорила, что охотно поехала бы к нам в деревню. Жаловалась, что муж её всюду скупает, не сидится ему от этого нигде, нет, значит, полного счастья на земле. У Суворина всё есть: милая семья, деньги, возможность жить, где пожелает, делать, что хочет, выругать или похвалить в своей газете, кого вздумает, ввиду этой возможности за ним все ухаживают, значит, самолюбие удовлетворяется, и, несмотря на всё это, его снедает скука. Это ужасное чувство, из-за этого одного ему не позавидуешь»⁴⁶.

В результате к началу 1890-х гг. прежние отношения, пусть и без особого доверия, восстановились. Богдановичи ценили публицистический дар и «направление» Сувориной⁴⁷, дорожили его аудиторией. В марте 1890 г. Александра Викторовна иронизировала над кн. Мещерским, печатавшим заявления о том, что «его газету читают только серьёзные люди, а Нов[ое] вр[емя] все несерьёзные». Как отмечала генеральша, «мало же, значит, серьёзных людей в России, у “Гражд[анина]”, кажется, не больше 5 т[ысяч] подписчиков, а в “Нов[ом] вр[емени]” их больше 27 т[ысяч]»⁴⁸. Характеризуя Суворина, в октябре того же года Богданович признавала: «Видно, что ему легко живётся, всё у него есть, счастье улыбается, фортуна тоже, за ним ухаживают, так как у него единственная газета, кот[орая] хорошо платит, не жидовская, хотя определённого направления не имеет»⁴⁹. Подобная оценка не мешала генеральше уверять Алексея Сергеевича: «Мы Вас давно знаем и знаем Ваше направление. Не знай я этого, не с возмущением бы я читала клеветы, которые на Вас пишут “Гражданин” и “Моск[овские] вед[омости]”, а в Вашем письме говорится, что Вы считаете, что я будто одного мнения с ними о Вас»⁵⁰. Когда же в 1891 г. Суворин скептически отнёсся к брошюре генерала «К серебряной свадьбе царя и царицы» и отказался печатать его речь о том, что «у нас покойнее, чем на Западе», Александра Викторовна негодовала: «Всеми этому Вы не сочувствуете, не напечатав речи убеждённого человека, понимающего, что всё это в настоящее время полезнее

⁴² Там же, д. 237, л. 12 об.

⁴³ Там же, д. 244, л. 31—31 об.; д. 246, л. 12, 62—65 об.; д. 247, л. 51; д. 249, л. 22 об.; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 10; Новое время. 1890. № 5032. 3 апреля.

⁴⁴ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 238, л. 14; д. 241, л. 87 об.

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 1152, л. 3.

⁴⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 243, л. 52.

⁴⁷ Там же, д. 247, л. 4, 5 об.; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 416, л. 4, 7, 11.

⁴⁸ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 246, л. 85 об.

⁴⁹ Там же, д. 248, л. 78 об.

⁵⁰ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 416, л. 7.

обнародовать, чем успехи актёров в провинциальных городах или реклама путешествующих министров»⁵¹.

Вместе с тем от Богдановича, как и раньше, приходили не только лубочные статьи и речи, но и любопытные известия. «Примите к сведению, — обращался он к Суворину, — записочку Ивана Николаевича (Дурново. — А.К.), которую посылаю *только Вам одному* на прочтение и с сим подателем прошу её возвратить. Сообщаю для того эти достоверные сведения, дабы другим Вы не доверяли; публика заметила, что в эти последние дни сведения, сообщаемые в “Новом времени”, лишены всякого основания, и действительно, *все назначения* у Вас напечатанные в эти дни, *не осуществляются*. Не сетуйте, дорогой Алексей Сергеевич, за мою откровенность, но я так воспитан, кого люблю, тому всё искренне высказываю. Не забудьте наше свидание *в субботу*»⁵². Так или иначе, редактору «Нового времени» приходилось терпеть «комическое лицо» Богдановича, с трудом скрывая растущее презрение и неприятие «этого господина, лицемерия которого конца края нет». В мае 1896 г. Суворин отмечал в дневнике: «Его свояченица говорит: Евгений Васильевич — народный человек. Вот некому изобразить этого удивительного плута и лицемера». Причём «иногда он удивительно жалок»⁵³.

В целом Суворина и Богдановичей связывала не симпатия, а взаимная выгода. С одной стороны наблюдалось стремление использовать авторитетную газету для популяризации и поддержки идей и проектов генерала, с другой — желание получить доступ к неофициальной информации и при помощи салона (аккумулирующего и распространяющего слухи и толки) доводить до сравнительно широкого круга влиятельных лиц соображения, печатать которые было рискованно. Так, уже в 1902 г. Суворин «очень старательно говорил у Богдановичей о неспособности Сипягина управлять Россией в такое тяжёлое время» и о том, что «одной полицией и “мероприятиями”, которые давно стали юмористическими, ровно ничего нельзя сделать»⁵⁴.

⁵¹ Там же, л. 5.

⁵² Там же, д. 414, л. 63.

⁵³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Публ. О.Е. Макаровой, Д. Рейфилда, Н.А. Роскиной. Л.; М., 1999. С. 227.

⁵⁴ Там же. С. 432.